

Переводчица

Надежда ТЭФФИ

Самыми презренными людьми в Египте считались свинопасы и переводчики.
История Египта

Каждую весну раскрываются двери женских гимназий, пансионов и институтов и выпускают в жизнь несколько сотен... переводчиц.

Я не шучу. До шуток ли тут!

В былые времена о чём думали и о чём заботились маменьки выпускных девиц?

— Вот буду вывозить Машеньку. Может быть, и пошлёт Бог подходящую партию. Глашенька-то как хорошо пристроилась. Всего девять зим выезжала, на десятую — Исаия, ликуй!

Так говорила маменька со средствами. У кого же не было запаса на девять зим, те старались подсунуть дочь погостить к богатому родственнику или к «благодетельнице». И родственник, и благодетельница понимали, что каждую девицу нужно выдавать замуж, и способствовали делу. Вейнингеров в то время еще не было, и никто не подозревал о том, как низка и вредна женщина. Открыть глаза было некому, и молодые люди женились на барышнях.

Так было прежде.

Теперь совсем не то. Теперь жених (так называемый «жених» — лицо собирательное), как бы влюблен он ни был, уже вкусил от Вейнингера! Хоть из десятых рук, от какого-нибудь репетитора племянника сестры, двоюродного дяди. И пусть он слышал только всего, что у Вейнингеров все «м» да «ж», — с него достаточно, чтобы скривить рот и сказать барышне:

— Знаете, я принципиально против женитьбы. У женщин слишком много этих всяких букв... Вейнингер совершенно прав!

И маменьки это знают.

— Знаете, Авдотья Петровна, — говорит маменька своей приятельнице. — Что-то в нас, в женщинах, такое открылось нехорошее. Уж и ума не приложу, что такое. Придётся, видно, Сонечке в контору поступать либо переводов искать.

— Всё в конторах переполнено. У меня две дочки второй год со всех языков переводят. Беда!

— Уж не переехать ли лучше в провинцию? Может быть, там ещё ничего не знают про наши дела. Может, до них ещё не дошло.

— Да, рассказывайте! У меня в Могилёве брат жену бросил. Пишет: никуда жена не годится. Что ни сделает — всё «ж». Едет, бедная, сюда. Хочет переводами заняться...

Выйдет девица из института, сунется в одну контору — полно. В другую — полно. В третьей — запишут кандидаткой.

— Нет, — скажут, — сударыня. Вам не особенно долго ждать придётся. Лет через восемь получите место младшей подбарышни, сразу на одиннадцать рублей. Счастливо попали.

Повертится девица, повертится. Напечатает публикацию:

«Окончившая институт, знает все науки практически и теоретически, может готовить все возрасты и полы, временем и пространством не стесняется».

Придёт на другой день старуха, спросит:

— А вы сладкое умеете?

— Чего-с?

— Ну, да, сладкое готовить умеете?

— Нет... я этому не училась.

— Так чего же тогда публикуете, что готовить умеете. Только даром порядочных людей беспокоите.

Больше не придёт никто.

Поплачет девица, потужит и купит два словаря: французский и немецкий.

Тут судьба её определяется раз навсегда.

Трещит перо, свистит бумага, шуршит словарь...

Скорей! Скорей!

Главное достоинство перевода, по убеждению издателей, — скорость выполнения.

Да и для самой переводчицы выгоднее валять скорее. Двенадцать, пятнадцать рублей с листа. Эта плата не располагает человека к лени.

Трещит перо.

«Поздно ночью, прокрадываясь к дому своей возлюбленной, увидел её собаку, сидеть одной на краю дороги».

«Он вспомнил её слова: «Я была любовницей графа, но это не переначнётся».

Бумага свистит.

«Красавица была замечательно очаровательна. Её смуглые черты лица были невероятны. Крупные котята (chatons — алмазы) играли на её ушах. Но очаровательнее всего была ямочка на подзатыльнике красавицы. Ах, сколько раз — увы! — этот подзатыльник снился Гастону!»

Шуршит словарь.

«Зал заливался светом при помощи канделябров. Графиня снова была царицей бала. Она приехала с дедушкой в открытом лиловом платье, отделанном белыми розами».

«Амели плакала, обнимая родителям колени, которые были всегда так добры к ней, но теперь сурово отталкивали её».

«Она была полного роста, но довольно бледного».

«Он всюду натёкался на любовь к себе и нежное обращение».

Вот передо мною серьёзная работа — перевод какой-то английской богословской книги.

Читаю:

«Хорош тот, кто сведёт стадо в несколько голов. Но хорош и тот, кто раздобудет одного барана. Он также может спокойно зажить в хорошей деревне».

Что такое? Что же это значит?

Это значит вот что:

«Блажен приведший всю паству свою, но блажен и приведший одну овцу, ибо и он упокоится в селениях праведных».

Всё реже и реже шуршит словарь. Навык быстро приобретается. Работа приятная. Сидишь дома, в тепле. Бежать никуда не надо. И знакомым можно вернуть словечко, вроде:

— Мы, литераторы...

— С тех пор как я посвятила себя литературе...

— Ах, литературный труд так плохо оплачивается... У нас нет ничего, кроме славы!

Трещат перья, свистит бумага. Скорей! Скорей.

«Алиса Рузевельт любит роскошь. На большом приёме она щегольнула своим полуплисовым платьем...»

Шуршит словарь.